801-14
1033

И. Иванюковъ

докторъ политической экономіи, профессоръ Петровской Академіи.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ

ТЕОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

съ

АДАМА СМИТА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Третье изданіе исправленное и дополненное.

МОСКВА. 1891

Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Фирсановой.

38338-0

2007089912

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьев. пер. № 5

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . стр. V

Глава первая. § 1. Возникновеніе мануфактуръ. § 2. Первые представители идеи свободы промышленности. § 3. Исходныя положенія труда Адама Смита о „Богатствѣ народовъ“. § 4. Теорія народонаселенія Мальтуса. § 5. Теорія Рикардо о распредѣленіи народнаго дохода. § 6. Современное значеніе реалистической школы въ политической экономіи и ея основныя положенія.

Глава вторая. Оцѣнка экономическихъ явленій, вытекающихъ изъ системы свободной конкурренціи. § 1. Система свободной конкурренціи есть система монополій § 2. Слѣдствія системы свободной конкурренціи въ области производства. § 3. Слѣдствія системы свободной конкурренціи въ области обмѣна. § 4. Слѣдствія системы свободной конкурренціи въ области распредѣленія.

Глава третья. § 1. Противорѣчіе между правовыми понятіями нашего времени и экономическою организаціею. § 2. Отношеніе реалистической школы къ соціалистическому направленію. § 3. Главныя черты соціалистической организаціи народнаго хозяйства.

Глава четвертая. Руководящіе принципы реалистической школы для организаціи народнаго хозяйства.

Глава пятая. Значеніе берлинской конференціи по рабочему вопросу.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ до сихъ поръ существовавшія организаціи собственности у народовъ, вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, порождали іерархію общественныхъ классовъ; управленіе и законодательство всегда и всюду, прямо или косвенно, принадлежали наиболѣе богатымъ классамъ; послѣдніе пользовались своею властью сознательно и безсознательно въ своихъ интересахъ; почему во всѣ эпохи законы запечатлѣны интересами господствующихъ классовъ.

Мысль, что организація собственности на каждой ступени развитія составляетъ важнѣйшій экономическій факторъ въ образованіи юридическихъ и политическихъ учрежденій, вошла въ науку прочно лишь въ послѣднее время. Ближайшимъ поводомъ къ ея уразумѣнію и распространенію послужилъ разладъ между соціальною дѣйствительностью XIX столѣтія и гуманными идеалами, осуществленіе которыхъ было задачею французской революціи.

Французская революція уничтожила всѣ юридическія привилегіи и декретировала равенство людей передъ закономъ, свободу личности, труда и собственности. Повидимому законодательство французской революціи, уничтожившее всѣ привилегіи, стало внѣ сословныхъ интересовъ. И дѣйствительно, такъ думали его составители, такъ думало все тогдашнее общество, такъ думалъ и народъ. Чудными ожиданіями жило

человѣчество. Казалось наступила новая эра жизни: эра благосостоянія, свободы и гармоніи интересовъ. И какое глубокое разочарованіе принесъ XIX вѣкъ!

Анализъ причинъ несбывшихся надеждъ показалъ, что законодательство французской революціи соотвѣтствовало, какъ нельзя болѣе, интересамъ обогатившагося и образованнаго средняго сословія, — представителя движимаго капитала, — сломившаго, послѣ вѣковой борьбы, поземельную аристократію. Дѣйствительность скоро показала, что безграничная свобода промышленности, труда, собственности, новая политическая организація государства составляютъ прямой интересъ представителей капитала и крайне неблагопріятны для представителей труда. Но когда это обнаружилось и было понято, tiers-état перестало уже быть представителемъ интересовъ народа, какъ оно о себѣ думало въ эпоху французской революціи, и выродилось въ современную буржуазію, управляющую страною въ собственныхъ интересахъ.

Не слѣдуетъ однако думать, что господствующіе классы, создавая выгодные для себя соціальные порядки, ясно понимаютъ характеръ общественныхъ отношеній и не видятъ въ своей соціальной роли никакого правоваго элемента, а лишь единственно право силы. Дѣятельность господствующихъ классовъ въ сферѣ данныхъ юридическихъ формъ всегда признавалась ими вполнѣ *правовою, не только формально* (юридически), *но и по совѣсти*. И возможность такого пониманія ими своей дѣятельности объясняется тѣмъ, что обоснованіе юридическихъ привилегій и фактическихъ монополій они видятъ не въ силѣ, а въ какомъ-либо отвлеченномъ правовомъ принципѣ *).

*) Современному сознанію рабская организація труда представляется вопіющею несправедливостью, жестокостью. Но было бы неправильно переносить наши взгляды въ эпоху существованія рабства. Не только обычная мысль, но и величайшій изъ мыслителей, Аристотель, признавалъ рабство справедливымъ институтомъ. «Сама природа, говоритъ Аристотель, создала рабство... Въ человѣческой природѣ встрѣчаются личности, на столько же уступающія другимъ, на сколько тѣло уступаетъ душѣ, или на сколько животное стоитъ ниже человѣка; это суть существа, способныя къ одному только физическому труду и неспособныя ни на какое болѣе совершенное занятіе. Существа эти самою природою осуждены на рабство, ибо самое лучшее для нихъ—это повиноваться... Изъ этихъ принциповъ мы должны, стало быть, заключить, что природа создаетъ однихъ людей для свободы, а другихъ для рабства; что польза и справедливость требуютъ, чтобы рабъ повиновался». —По мнѣнію другаго генія античнаго міра, Платона, занятіе физическимъ трудомъ, промыслами, торговлею унижаютъ предающихся имъ людей. «Гражданинъ, который унизится до того, что станетъ торговать въ лавкѣ, долженъ быть наказанъ за подобное преступленіе». «Физическій трудъ безчеститъ и позоритъ гражданина», говоритъ Ксенофонтъ. Такимъ образомъ у Платона и Ксенофонта *привилегія переходитъ уже въ чувство чести.*

Землевладѣніе, служившее въ средніе вѣка исключительнымъ источникомъ богатства привилегированнаго класса, наложило свою печать на понятіе чести и нравственности. Вести промышленное предпріятіе, заниматься торговлею считалось для господствующаго класса позорнымъ и безчестнымъ и приличнымъ казалось извлекать доходы только изъ поземельной собственности.

Но не только господствующіе классы считаютъ свое привилегированное положеніе вполнѣ справедливымъ, таковымъ же считаетъ его и масса; иначе никакіе уголовные законы, никакая полиція не въ состояніи были бы поддерживать общественный порядокъ.

Эта зависимость понятій, чувствъ, нравовъ индивидума отъ среды обусловливаетъ устойчивость общественнаго строя и постепенность его развитія. Въ соціальной жизни, какъ и въ природѣ, нѣтъ скачковъ; хотя tempo поступательнаго хода все усиливается съ развитіемъ цивилизаціи.

Измѣненія въ техникѣ и хозяйственныхъ условіяхъ составляютъ самую глубокую причину перемѣнъ въ прочихъ сторонахъ жизни *). Новые интересы, являющіеся какъ результатъ совершившихся въ обществѣ экономическихъ измѣненій, порождаютъ и новыя соціальныя идеи и новыя правовыя понятія, сторонниками которыхъ являются общественные классы, заинтересованные въ проведеніи въ жизни этихъ идей. Чѣмъ съ большей силой заявляютъ себя новые интересы, тѣмъ настоятельнѣе раздаются требованія реформы. Происходитъ борьба между новыми интересами и интересами господствующихъ классовъ. И снова мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что недоброжелательное, часто полное ненависти, отношеніе большинства господствующаго класса къ реформаторскимъ идеямъ, не есть исключительно результатъ черствости и *сознательнаго* эгоистическаго охраненія своихъ юридическихъ или фактическихъ привилегій; оно есть, главнымъ образомъ, результатъ *безсо-*

*) Мелкія индійскія общины, которыя продолжаютъ существовать отчасти и до сихъ поръ, основываются на общинномъ владѣніи землею, на непосредственной связи между земледѣліемъ и ремесломъ, и на опредѣленномъ, неизмѣнномъ раздѣленіи труда, которое, при закладкѣ каждой новой общины, служитъ ея основателямъ какъ готовый планъ и образецъ.

Каждая изъ такимъ общинъ образуетъ одно производительное цѣлое, вполнѣ удовлетворяющее своимъ собственнымъ потребностямъ и нуждамъ, причемъ область производства такой общины колеблется между 100 и 1000 акрами. Законъ, управляющій раздѣленіемъ общиннаго труда, дѣйствуетъ здѣсь съ ненарушимымъ авторитетомъ закона природы, но въ тоже самое время, каждый отдѣльный ремесленникъ, напримѣръ кузнецъ и т. д., исполняетъ всѣ операціи, относящіяся къ его спеціальности, хотя по способамъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ отцовъ, но тѣмъ не менѣе совершенно самостоятельно и не признавая никакого авторитета въ предѣлахъ своей мастерской. Въ этой простой формѣ обитатели страны жили съ незапамятныхъ временъ. Границы деревень рѣдко подвергались измѣненіямъ, и хотя самыя деревни были иногда раззоряемы и даже опусто-

знательнаго вліянія личныхъ интересовъ и присущаго данному классу или сословію образа мыслей. Въ соціологіи Спенсера мы находимъ прекрасное объясненіе того извѣстнаго факта, что страсти и личные интересы извращаютъ сужденія какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ сословій. На всякую реформаторскую идею, говоритъ Спенсеръ, затрогивающую, повидимому, интересы господствующихъ классовъ, послѣдніе слишкомъ склонны смотрѣть какъ на посягательство на ихъ права, какъ на идею, выполненіе которой принесло бы только одинъ вредъ, или же какъ на идею невыполнимую. Съ точки зрѣнія привилегированныхъ классовъ, всякая борьба, хотя бы самая мирная, бѣдныхъ согражданъ за улучшеніе своей участи заслуживаетъ безусловнаго порицанія. Напримѣръ, то обстоятельство, что стачки наносятъ господствующему классу болѣе или менѣе значительный ущербъ, формируетъ ихъ взглядъ на стачки, какъ на поведеніе весьма предосудительное. Они

шаемы войною, голодомъ, повальными болѣзнями, тѣмъ не менѣе то же самое названіе, тѣ же самыя границы, тѣ же самые интересы и даже тѣ же самыя семейства продолжали существовать изъ вѣка въ вѣкъ. Простой производительный организмъ этой общины, удовлетворяющей всѣмъ своимъ потребностямъ, воспроизводящейся постоянно въ той же самой формѣ и появляющейся снова, послѣ каждаго случайнаго разрушенія, на томъ же самомъ мѣстѣ и подъ тѣмъ же самымъ именемъ, даетъ намъ, говоритъ Марксъ, ключъ къ той таинственной загадкѣ, которая заключается въ *неизмѣнности* азіатскихъ *обществъ*, такъ странно противорѣчащей съ постоянными разрушеніями и созиданіями съизнова *азіатскихъ государствъ*, и съ безпрерывными перемѣнами династій. Дѣло въ томъ, что структура основныхъ экономическихъ элементовъ общества остается нетронутой бурями, происходящими въ его политической атмосферѣ. (Марксъ. Капиталъ).

О различныхъ видахъ общиннаго землевладѣнія въ Индіи см. II и III гл. кн. проф. Ковалевскаго—«Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и и послѣдствія его разложенія». 1879 г.

видятъ нѣчто возмутительное въ этой самостоятельности, которая сопровождается отказомъ отъ работы, когда не увеличиваютъ рабочей платы или не сокращаютъ времени работы. Дебаты по поводу системы покупки чиновъ въ Англіи показали, какъ сильно укоренилось у военныхъ людей убѣжденіе, что національная безопасность зависитъ отъ сохраненія той организаціи арміи, при которой они воспитывались и достигли своихъ чиновъ. Защищая сословное подчиненіе какъ необходимое условіе для развитія благосостоянія большинства, привилегированные классы,—крупные землевладѣльцы и промышленники,—не замѣчаютъ, что ихъ отношенія къ трудящейся массѣ представляютъ въ сущности только болѣе мягкую форму отношеній рабо-владѣльцевъ къ своимъ рабамъ или вассаловъ къ крѣпостнымъ. Кромѣ того, какъ сильно еще въ первенствующихъ классахъ распространено убѣжденіе, проявляющееся во всѣхъ ихъ поступкахъ, что самимъ Богомъ и законами природы установлено, что выгоды нѣкоторыхъ избранныхъ должны стоять на первомъ планѣ и масса трудящагося населенія—народъ долженъ повиноваться имъ и работать на нихъ.

Все вышесказанное дѣлаетъ совершенно понятною мысль, что хотя общественныя учрежденія вполнѣ соотвѣтствуютъ природѣ людей, тѣмъ не менѣе люди лучше своихъ учрежденій. И это потому, что личныя свойства какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ классовъ, пониманіе ими значенія своей дѣятельности, далеко не вполнѣ соотвѣтствуютъ объективному смыслу ихъ дѣятельности. Эту именно мысль имѣетъ въ виду Марксъ, когда въ предисловіи къ своему сочиненію „Капиталъ“ говоритъ: — „Капиталисты и землевладѣльцы описаны мною далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Но здѣсь рѣчь идетъ о личностяхъ лишь на столько, на сколько онѣ представляютъ собою олицетвореніе экономическихъ категорій, насколько онѣ выражаютъ собою опредѣленныя сословныя отношенія и интересы. Та точка зрѣнія, на которой я стою — считающая развитіе экономическихъ общественныхъ формацій естественно-историческимъ процессомъ—менѣе, чѣмъ какая-либо другая, можетъ дѣлать кого-либо отвѣтственнымъ за отношенія, общественную креатуру которыхъ данное лицо представляетъ собою“.

Указанныя нами причины труднаго проникновенія соціально-реформатскихъ идей въ господствующіе классы объясняютъ также, почему существенныя измѣненія въ соціальномъ строѣ странъ, идущихъ во главѣ цивилизаціи, каковыми до сихъ поръ были Франція и Англія, оказываютъ значительное вліяніе на понятія господствующихъ классовъ другихъ странъ, находящихся съ первыми въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Реализація реформаторскихъ идей въ прогрессирующей странѣ, доказывающая ихъ примѣнимость, ослабляетъ мотивы, препятствовавшіе распространенію реформаторскихъ идей въ господствующихъ классахъ. Особенно это вліяніе сильно если однородныя событія совершаются одновременно въ нѣсколькихъ большихъ государствахъ. Тогда эти событія съ особенною силою отражаются на государствахъ, отставшихъ въ культурѣ, а потому неизбѣжно находящихся въ духовной зависимости отъ народовъ, ушедшихъ въ развитіи впередъ. Извѣстно вліяніе англійскихъ политическихъ понятій на высшіе классы Франціи въ XVIII вѣкѣ; — вліяніе первой французской революціи на всю Европу; — вліяніе англійскаго фабричнаго законодательства на континентальныя государства. Эмансипація крѣпостныхъ въ Россіи, помимо внутреннихъ причинъ, вызвавшихъ эту реформу, не была ли также въ значительной степени результатомъ вліянія западно-европейскихъ идей? Не въ этомъ ли вліяніи надо видѣть, главнымъ образомъ, причину того интереснаго факта, что, до и во время освобожденія крестьянъ, значительная часть нашего дворянства искренно сочув-

ствовала реформѣ. Будь Россія отдѣлена, подобно Китаю, отъ западной Европы, не имѣли ли бы мы до сихъ поръ крѣпостнаго права? Извѣстно, что Императоръ Александръ I, воспитанный въ духѣ идей французской литературы XVIII вѣка, мечталъ въ дни юности и еще долго въ зрѣлые годы совершить эмансипацію; и не будь сначала отвлечено все вниманіе, вся дѣятельность императора внѣшними событіями, и не наступи потомъ радикальнаго переворота въ его душевномъ и умственномъ настроеніи, весьма возможно реформа была бы совершена гораздо ранѣе; по крайней мѣрѣ мы и для того времени не усматриваемъ никакихъ соціальныхъ затрудненій для совершенія реформы.

Такимъ образомъ, рядомъ съ факторомъ борьбы существуетъ и другой соціальный факторъ, обусловливающій измѣненія въ общественныхъ учрежденіяхъ, а именно: *вліяніе на умы гуманно-прогрессивныхъ идей*. Значеніе этого втораго фактора постоянно усиливается въ новѣйшей исторіи Европы, и мы убѣждены, что ему предстоитъ въ дальнѣйшемъ ходѣ историческаго развитія замѣнять все болѣе и болѣе *элементъ борьбы*, имѣвшій до нынѣ преобладающее значеніе въ дѣлѣ измѣненія соціальныхъ формъ жизни.

Правильное пониманіе роли гуманно-прогрессивныхъ идей въ жизни человѣчества было затемнено въ послѣднее время слишкомъ прямолинейнымъ перенесеніемъ теоріи Дарвина о „борьбѣ за существованіе“ изъ міра животнаго въ міръ человѣческій. При приложеніи этой теоріи къ соціальной жизни, большинство упускало изъ виду громадное значеніе въ человѣческихъ дѣлахъ *идеи и чувства „правды“*. Вслѣдствіе этого возникли превратныя понятія какъ о человѣческой природѣ, такъ и о покоющейся на ней исторіи жизни человѣчества.

Справедливо, что до сихъ поръ, говоря вообще, исторія развитія соціальныхъ формъ жизни представляла борьбу общественныхъ классовъ за привилегированное соціальное положеніе. Но, для правильнаго пониманія характера этой борьбы, очень важно не упускать изъ виду указанный нами выше фактъ, что побѣдители въ соціальной борьбѣ, господствующіе классы, создавая выгодные для себя соціальные порядки и защищая ихъ, не понимаютъ ясно характера общественныхъ отношеній и всегда обосновываютъ свое соціальное положеніе на какомъ нибудь *правовомъ* элементѣ, а не единственно на фактѣ силы.

И если духъ сомнѣнія въ правотѣ тѣхъ или другихъ формъ общественной жизни, въ правотѣ привилегій господствующихъ классовъ, до сихъ поръ съ трудомъ проникалъ въ эти классы, то главныя причины тому, во-первыхъ, что само изслѣдованіе и правильное пониманіе соціальныхъ явленій есть дѣло новое—результатъ послѣднихъ десятилѣтій, и притомъ, даже и то, что̀ уже выработано наукою, составляло до сихъ поръ достояніе самаго незначительнаго по числу просвѣщеннаго общества; во-вторыхъ—личный интересъ оказываетъ сильное, *безсознательное* вліяніе на образъ мыслей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго сословія.

Но сила просвѣщенія, расширяющая кругозоръ, побѣждаетъ препятствія къ правильному пониманію вещей, создаваемыя личнымъ интересомъ. И дѣйствіе этой силы въ наше время быстро возрастаетъ какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Развитіе ея въ геометрической прогрессіи есть безспорнѣйшій и важнѣйшій соціальный законъ.

Всѣ условія развитія нашего времени ускоряютъ измѣненіе понятій во всѣхъ общественныхъ классахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и измѣненіе въ воззрѣніяхъ господствующихъ классовъ на свои привилегіи, есть-ли эти привилегіи юридическія или фактическія. Быстро идущее возрастаніе городской жизни,

примѣненіе пара и электричества къ путямъ сообщенія, болѣе и болѣе увеличивающаяся тѣсная умственная связь между всѣми цивилизованными государствами, неимовѣрно возрастающее распространеніе прессы во всѣхъ слояхъ общества, сообщающей ежедневныя событія всего міра,—все это расширяетъ кругозоръ людей, усиливаетъ распространеніе просвѣщенія и измѣняетъ правовыя понятія господствующихъ классовъ. Это безпримѣрное еще въ исторіи увеличеніе сношеній между людьми и обусловливаемое сношеніями — расширеніе кругозора и распространеніе просвѣщенія и есть причина, почему въ наше время воззрѣнія каждаго новаго поколѣнія значительно разнятся съ воззрѣніями отцовъ. Тогда какъ при патріархальномъ бытѣ съ его ничтожными сношеніями,—разложеніе котораго началось въ западной Европѣ лишь съ XVII столѣтія,—городское населеніе составляло весьма незначительную часть общаго населенія, да и самые города были очень миніатюрны, громадное большинство людей никогда не выѣзжало изъ того мѣста, гдѣ родилось, и не откуда было имъ получить свѣдѣнія о томъ, что дѣлается внѣ небольшаго роднаго округа. При этихъ патріархальныхъ условіяхъ, люди сотни лѣтъ пребывали въ однихъ и тѣхъ же традиціонныхъ понятіяхъ и обычаяхъ.

Широко разлившіяся въ наше время сношенія между людьми оказываютъ наиболѣе сильное вліяніе въ дѣлѣ измѣненія правовыхъ понятій у господствующихъ классовъ въ странахъ, идущихъ, такъ сказать, въ хвостѣ цивилизаціи и пользующихся, поэтому, опытомъ піонерныхъ государствъ. Доказанная на практикѣ удобопримѣнимость и благотворность новыхъ соціальныхъ формъ жизни, осуществленныхъ піонерными государствами, парализуетъ безсознательное вліяніе на воззрѣнія личнаго интереса и измѣняетъ ихъ. Такое же дѣйствіе на формированіе понятій, убѣжденій людей производитъ наука.

А потому, по мѣрѣ развитія соціальной науки и распространенія ея въ обществѣ, должны измѣняться какъ правовыя понятія, такъ и способы реализаціи новыхъ соціальныхъ порядковъ. Соціальная наука еще и въ настоящее время не вышла изъ періода младенчества, а потому и не могла имѣть могущественной власти надъ умами. До сихъ поръ существовали только соціальныя теоріи, враждовавшія между собою; да и онѣ были извѣстны только небольшому числу научно-образованныхъ людей. Не говоря уже о массахъ, но и большинство такъ называемаго образованнаго общества пріобрѣтало въ отношеніи основныхъ устоевъ общественныхъ порядковъ *традиціонныя* воззрѣнія воспитавшей ихъ среды. Вотъ почему господствующіе классы проявляли до нынѣ такую сконность смотрѣть на всякую соціально-реформаторскую идею, какъ на посягательство на ихъ *законныя* права, или какъ на идею, выполненіе которой принесло бы одно зло. Отсюда естественна и ни мало непредосудительна ихъ борьба противъ соціальныхъ реформъ. Но ходъ современной исторіи европейскихъ народовъ выдвинулъ на первый планъ, какъ злобу дня, жизненные вопросы чисто соціальнаго свойства. Какъ слѣдствіе этого: много ученыхъ и сравнительно большая часть образованной публики обращаютъ, въ настоящее время, свое вниманіе на изученіе явленій соціальной жизни. Соціальные вопросы стали предметомъ обсужденія прессы, парламентовъ, ученыхъ обществъ, конгрессовъ. Можно надѣяться, что уже не далеко то время, когда соціальная наука достигнетъ той ступени развитія, что положенія ея будутъ имѣть ту же достовѣрность и доказательность, какъ положенія физической природы; а слѣдовательно, сдѣлаются столь же властными и обязательными. По мѣрѣ развитія соціальной науки и проникновенія ея въ общественное сознаніе, элементъ борьбы въ дѣлѣ измѣненія соціальныхъ условій жазни, игравшій до сихъ

поръ преобладающую роль, будетъ болѣе и болѣе замѣняться элементомъ просвѣщеннаго наукою сознанія; и послѣдній, по естественному ходу вещей, сдѣлается когда нибудь господствующимъ, а можетъ быть и единственнымъ руководителемъ въ установленіи соціальныхъ условій жизни, покоющихся на солидарности и гармоніи интересовъ людей.

Со времени Петра Великаго начинаетъ отражаться на Россіи вліяніе западно-европейской цивилизаціи, и съ тѣхъ поръ вліяніе это все болѣе и болѣе возрастаетъ. Значеніе опыта Запада для Россіи двухъ родовъ: прямое—когда мы переносимъ западныя учрежденія на нашу почву, и косвенное—когда опытъ западной цивилизаціи предостерегаетъ насъ отъ ошибокъ, сдѣланныхъ нашими старшими братьями. Въ послѣднее время это косвенное значеніе для насъ западно-европейской цивилизаціи особенно усилилось въ виду того, что сама западная культура находится въ состояніи кризиса и ищетъ *новыя основы* соціальной жизни.

Въ виду такой важной двухсторонней роли западно-европейскаго опыта въ нашей соціальной жизни, едва-ли нужно даже и упоминать о томъ, что хотя изложенныя въ предлагаемомъ сочиненіи ученія по экономической политикѣ порождены преимущественно ходомъ жизни западной Европы, тѣмъ не менѣе они представляютъ громадное практическое значеніе и для Россіи—*они освѣщаютъ намъ путь дальнѣйшаго развитія.*

ГЛАВА I.

§ 1. Возникновеніе мануфактуръ. § 2. Первые представители идеи свободы промышленности. § 3. Исходныя положенія труда Адама Смита о «Богатствѣ народовъ». § 4. Теорія народонаселенія Мальтуса. § 5. Теорія Рикардо о распространеніи народнаго дохода. § 6. Современное значеніе реалистической школы въ политической экономіи и ея основныя положенія.

§ 1. Изучая историческое развитіе экономическихъ, политическихъ и юридическихъ ученій, нельзя не замѣтить строгаго соотвѣтствія ихъ содержанія характеру современной имъ эпохи. Характеръ эпохи выражается въ экономическомъ строѣ жизни, политическихъ учрежденіяхъ, запасѣ знаній, литературѣ, нравахъ, понятіяхъ и живыхъ, прогрессивныхъ стремленіяхъ времени. Всѣ эти элементы опредѣляютъ какъ кругъ предметовъ, которыми занимаются общественныя теоріи, такъ и характеръ воззрѣній на изслѣдуемые ими вопросы. Отсюда само собою слѣдуетъ, что всестороннее пониманіе экономическихъ, политическихъ, юридическихъ и всякихъ другихъ ученій, относящихся къ общественной жизни, возможно лишь при сопоставленіи этихъ ученій съ современными имъ жизненными и преимущественно экономическими условіями. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изложенію основныхъ положеній ученія Адама Смита, мы, въ бѣгломъ очеркѣ, укажемъ главныя жизненныя условія, долго подготовлявшія, а потомъ и вызвавшія это ученіе.

Въ XVI столѣтіи, цеховая организація, регулировавшая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ городскую промышленность западной Европы, становится въ противорѣчіе съ новыми экономическими условіями. *Открытіе Америки и морскаго пути въ Остъ-Индію, изобрѣтеніе пороха и введеніе постоянныхъ войскъ, способствовавшіе усиленію центральнаго правительства и тѣмъ самымъ охраненію права и безопасности, — все это дало сильный толчекъ развитію торговли и промышленности.* Открытые новые рынки сильно увеличили спросъ на продукты; возможность сбыта въ большихъ массахъ побуждала капиталы влиться въ городскія промышленныя предпріятія. Но въ этой сферѣ дѣятельности капиталы наталкивались на цеховые законы, умышленно препятствовавшіе крупному производству, а тѣмъ самымъ—и накопленію богатства въ рукахъ хозяевъ промышленныхъ заведеній; *цеховые уставы ограничивали число учениковъ и ремесленниковъ, какое могъ держать отдѣльный мастеръ.* Недопускаемыя въ города, новыя крупныя мануфактуры основывались въ сёлахъ, внѣ контроля стараго городскаго устройства и цеховъ.

Быстрому развитію и процвѣтанію новыхъ мануфактуръ много способствовалъ также совершавшійся въ это время переворотъ въ сельской промышленности и поземельныхъ отношеніяхъ. Сила и честолюбіе стараго феодальнаго дворянства основывались на числѣ ихъ подданныхъ; послѣднее же зависѣло отъ числа крестьянъ съ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Дворянство XVI столѣтія, какъ дитя своего времени, предпочитало деньги сохраненію старыхъ феодальныхъ отношеній. Развивавшіяся шерстяныя мануфактуры предъявляли спросъ на шерсть; цѣна на послѣднюю поднялась и лозунгомъ тогдашняго дворянства стало обращеніе пашней въ пастбища для овецъ, *для чего принялись экспропріировать землю у крестьянъ.* Новый толчекъ процессу экспропріаціи земли у крестьянъ былъ данъ реформаціею, сопровождавшеюся конфискаціею церковныхъ земель. Новые собственники этихъ земель прогоняли съ нихъ цѣлыми массами крестьянскія семейства, жившія здѣсь испоконъ вѣку на правѣ феодальнаго владѣнія землею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, закономъ гарантированное право обѣднѣвшихъ крестьянъ на извѣстную часть церковной десятины было безмолвно отмѣнено. Экспропорціація земли у крестьянъ, эта бѣдственная для народа операція, общая всѣмъ западно-европейскомъ государствамъ, имѣла самое обширное и продолжительное (слишкомъ три столѣтія) примѣненіе въ Великобританіи. Она создала современныя ненормальныя поземельныя отношенія въ этой странѣ *). Лишенныя земель крестьяне должны были искать средствъ существованія продажею своей

*) Въ какой степени экспропріація, уже въ XVI столѣтіи, когда размѣръ примѣненія ея былъ меньшій, сравнительно съ дѣйствіемъ ея въ XVII и XVIII вѣкахъ, отразилась бѣдственно на народной массѣ, можно видѣть изъ сравненія сочиненій сэра Джона Фортескью, краснорѣчиво изображающаго народное благосостояніе въ XV вѣкѣ, и Томаса Моруса, писателя XVI вѣка, описывающаго, съ чувствомъ глубокаго состраданія, разореніе крестьянъ. «Изъ золотаго вѣка, говоритъ Торнтонъ, англійскій рабочій классъ былъ низвергнутъ безъ всякихъ переходовъ въ желѣзный».

Хорошее указаніе на благосостояніе народа въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ даютъ намъ законы противъ роскоши. «Жалобы на роскошь простаго народа въ Англіи, говоритъ профессоръ Янжулъ въ сочиненіи «Англійская свободная торговля», начинаютъ раздаваться весьма рано; онѣ встрѣчаются уже въ хроникахъ отъ 1300 года. Но первый законодательный актъ, пространно регулировавшій роскошь, вышелъ въ 1363 году. Въ этомъ законѣ пахарямъ, пастухамъ и т. п. рабочимъ дозволены матеріи не дороже одного шиллинга за ярдъ. Со времени Эдуарда III и до половины XIX вѣка цѣнность денегъ уменьшилась въ двадцать разъ, и, такимъ образомъ, если пе-

рабочей силы. Новымъ мануфактурамъ былъ какъ нельзя болѣе выгоденъ этотъ наплывъ свободныхъ рабочихъ рукъ *).

ревести этотъ запретительный законъ на современную денежную единицу, то получится запрещеніе для пастуховъ и другихъ рабочихъ носить платье дороже 20 шиллинговъ за ярдъ (7 руб. сер.). Такой высокій максимумъ дозволенной дороговизны долженъ естественно проистекать отъ значительной зажиточности лицъ, для которыхъ запрещеніе сдѣлано; въ настоящее время существованіе такого закона уже потому было бы немыслимо, что самое нарушеніе закона невозможно.

Ровно черезъ сто лѣтъ, при Эдуардѣ IV, вышелъ другой замѣчательный законъ противъ роскоши: прислугѣ было запрещено носить платье, дороже двухъ шиллинговъ за ярдъ; чулки — не дороже четырнадцати пенсовъ за пару, и головной платокъ не долженъ былъ превышать двѣнадцати пенсовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1482 году, было найдено необходимымъ ослабить это запрещеніе, и разрѣшено носить чулки до восемнадцати пенсовъ и платки до двадцати. Вильямъ Торнтонъ, дѣлая разсчетъ тогдашней цѣны денегъ сравнительно съ теперешней, замѣчаетъ, что такого рода узаконеніе, переведенное на современную денежную единицу, равнялось бы запрещенію пахарямъ носить бархатные сюртуки и шелковые чулки, а ихъ женамъ чепчики изъ брюссельскихъ кружевъ.

Законодательные памятники того времени (напримѣръ, 24 Неп. VIII) называютъ обыкновенною пищею народа не только говядину, свинину и телятину, но и гусей, куръ, цыплятъ.

Непрерывно продолжавшаяся экспропріація земли у крестьянъ и постоянное исчезновеніе отъ конкурренціи новыхъ мануфактуръ цеховаго устройства, обезпечивавшаго трудъ и достаточное вознагражденіе за него, были обстоятельствами, непрерывно ухудшавшими положеніе рабочихъ классовъ. Англійскіе историки Роджерсъ и Фраудъ, на основаніи самыхъ точныхъ изслѣдованій размѣровъ заработной платы и цѣнности предметовъ необходимости, пришли къ выводу, что благосостояніе англійскаго народа, весьма высокое въ концѣ среднихъ вѣковъ, начиная съ XVI столѣтія, постоянно понижалось вплоть до нашего времени.

*) Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершалась экспропріація

Онъ позволялъ имъ расширять производство до размѣровъ наличнаго капитала и тѣмъ способствовалъ возрожденію богатства и значенію промышленнаго (третьяго) сословія.

Съ расширеніемъ производства удешевляется созданіе продуктовъ, а потому мануфактуры явились серьезными конкуррентами цеховымъ мастерскимъ. Начинается борьба между старымъ цеховымъ устройствомъ и новыми промышленными предпріятіями. Но всѣ усилія цеховыхъ мастеровъ остановить и измѣнить естественное теченіе дѣлъ, обращенія ихъ къ правительствамъ за помощью были тщетны. Правительства сочувствовали развитію и процвѣтанію мануфактуръ, видя въ нихъ прогрессъ національной промышленности. По мѣрѣ развитія мануфактуръ раздѣленіе труда въ производительныхъ операціяхъ выступаетъ все больше и больше, а съ тѣмъ вмѣстѣ рождается спросъ на техническія открытія, и послѣднія не медлятъ своимъ появленіемъ. Техническія изобрѣтенія, въ свою очередь, оказали громадное вліяніе на ростъ отраслей промышленности, захваченныхъ мануфактурами, на увеличеніе размѣровъ и богатства новыхъ, стоявшихъ внѣ цеховой организаціи, городовъ **). Это движе-

уже въ XVI столѣтіи, видно изъ того, что создаваемый ею пролетаріатъ не успѣвалъ быть поглощаемъ мануфактурами, не смотря на быстрый ростъ послѣднихъ. Экспропріированные, не имѣя возможности продать свою рабочую силу, обращались въ нищихъ, разбойниковъ, бродягъ. Въ теченіе всего XVI столѣтія мы видимъ во всей западной Европѣ драконовскіе законы противъ бродяжничества (плеть, клейменіе, отрѣзываніе ушей, смертная казнь при поимкѣ въ третій разъ). Предполагалось, что всѣ эти нищіе и бродяги шатаются не потому, что не могутъ найти работу вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій, а не желаютъ работать.

**) Бирмингамъ, Манчестеръ и многіе другіе города такого же значенія выросли изъ мануфактуры.

ніе шло рука объ руку съ успѣхами внѣшней британской торговли.

§ 2. Къ концу XVII вѣка крупное производство заняло уже видное мѣсто въ англійской промышленности. Въ интересахъ его было возможное устраненіе государственной опеки надъ промышленною жизнью. И эти интересы, по мѣрѣ роста крупной промышленности, увеличенія богатства и соціальнаго значенія класса крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, находили себѣ защиту въ парламентѣ и литературѣ. Самымъ яркимъ и рѣшительнымъ представителемъ новыхъ промышленныхъ интересовъ явился Дедлей Нортъ въ сочиненіи «Discour ses upon Trade principally directed to the Cases of the interest, Coinage, Clipping, increase of Money», 1691 годъ. Нортъ совершенно свободенъ отъ меркантильныхъ идей и объявляетъ всякое правительственное вмѣшательство вреднымъ для экономической дѣятельности народа. Въ этомъ отношеніи онъ, по справедливости, можетъ считаться первымъ рѣшительнымъ фритредеромъ и предшественникомъ Адама Смита. Приведемъ нѣкоторыя резюме самого автора.

«Весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю или народъ, а всѣ отдѣльныя націи—все равно какъ индивиды одного народа».

«Потеря торговли одной націи не составляетъ несчастіе только для нея одной, но для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ общими интересами».

«Не можетъ существовать торговли, невыгодной для народа, ибо если-бы таковая оказалась, люди оставили бы ее; а гдѣ торговцы (промышленники) преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго они составляютъ часть, также преуспѣваетъ».

«Нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ принести, пожалуй, выгоду

кому-нибудь, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо что дается одному подданному, то берется у другаго».

«Никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлять цѣнъ въ торговлѣ; послѣднія должны устанавливаться сами. А если такіе законы существуютъ, то составляютъ для торговли большую помѣху и заслуживаютъ осужденія» и т. д. Нортъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующими замѣчательными словами.

«Ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но только *миръ*, *трудолюбіе и свобода* создали торговлю и богатство».

Весь періодъ времени съ конца XVII ст. до появленія книги Адама Смита можно назвать переходнымъ: старыя меркантильныя понятія имѣли еще значительное приложеніе на практикѣ и находили себѣ представителей въ теоріи; новыя воззрѣнія, впервые рѣшительно заявленныя Нортомъ, все болѣе разработывались и распространялись, хотя еще не сдѣлались господствующими. Самыми крупными представителями новыхъ воззрѣній въ эту переходную эпоху являются Давидъ Юмъ, Джосуа Токкеръ и Адамъ Фергюсонъ. Основной характеръ воззрѣній этихъ писателей заключается въ апологіи расширявшейся тогда индустріи и торговли и въ порицаніи всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь общества, всякихъ препонъ частной дѣятельности въ торговлѣ и промышленности. Считая увеличеніе абсолютнаго богатства страны тождественнымъ съ умноженіемъ народнаго благосостоянія, они, съ самыми лучшими намѣреніями, защищали все, что, по ихъ мнѣнію, вело къ процвѣтанію торговли и промышленности, и важнѣйшее условіе такого процвѣтанія видѣли въ устраненіи регламентаціи экономической дѣятельности. Токкеръ опровергаетъ, какъ предразсудокъ, что бѣдныя націи будто бы естественные враги богатыхъ націй. «Такъ какъ

бѣдныя страны, говоритъ онъ, не могутъ конкуррировать съ богатыми по недостатку капитала и искусства, то имъ выгоднѣе заниматься производствомъ сырыхъ продуктовъ, а богатымъ націямъ предоставить мануфактуру. *Между народами не существуетъ никакого антагонизма интересовъ*, а, напротивъ, господствуютъ согласіе, гармонія».

«Интересы отдѣльныхъ лицъ, по мнѣнію Фергюсона, весьма хорошо гармонируютъ съ интересами государства: чѣмъ болѣе отдѣльные классы, особенно промышленный, пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе возвышается національное богатство, которое состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, а въ совокупности всѣхъ полезныхъ и употребительныхъ вещей, которыя находятся въ собственности у гражданъ». Фергюсонъ защищаетъ принципъ свободной экономической дѣятельности почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ позднѣе защищалъ ее и Адамъ Смитъ. «Торговля, говоритъ онъ, есть такой родъ промышленности, гдѣ люди, предоставленные дѣйствію ихъ собственнаго опыта, менѣе всего способны вступить на неправильный путь».

Всѣ эти идеи вполнѣ соотвѣтствовали экономическимъ условіямъ Англіи того времени. Англія въ промышленномъ развитіи опередила другія государства; иностранная конкурренція становилась для нея неопасной; между тѣмъ, господствовавшая во всей Европѣ строгая запретительная система вредила расширенію британскихъ рынковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внутренняя экономическая политика, вмѣшательство закона въ процессъ производства, различныя таксы также стѣсняли ростъ мануфактуръ. Между тѣмъ, въ это время уже явились великія изобрѣтенія Аркрайта, Уатта, Корта и другихъ, дававшія новыя силы мануфактурному производству и сулившія большіе барыши. Понятно, при такомъ положеніи дѣлъ, идеи свободной торговли и промышленности быстро распространялись въ англійскомъ обществѣ; усиливалось сознаніе необходимости реформы экономическаго законодательства и чувствовалась потребность систематизированія новыхъ экономическихъ идей и обоснованія ихъ. Отвѣтомъ на эту потребность явилось въ свѣтъ, въ 1776 г., геніальное сочиненіе Адама Смита о «Богатствѣ народовъ».

Англія и Франція, до настоящаго времени, шли, по пути накопленія матеріальныхъ и умственныхъ богатствъ *), впереди другихъ государствъ и своимъ историческимъ ходомъ развитія оказывали значительное вліяніе на другія страны. Новыя экономическія теченія, которыя мы видѣли въ Англіи,

*) Накопленіе матеріальнаго и умственнаго богатства обыкновенно называютъ прогрессомъ. Но такое употребленіе слова прогрессъ вѣрно только въ ограниченномъ смыслѣ. Понятіе о прогрессѣ въ примѣненіи къ соціальнымъ явленіямъ есть понятіе телеологическое, оно заключаетъ въ себѣ идею о человѣческомъ счастіи. А потому, только тѣ измѣненія можно считать прогрессомъ, которыя прямо или косвенно стремятся къ возвышенію человѣческаго счастія. Накопленіе богатства въ странѣ можетъ происходить на счетъ обѣдненія народа. Исторія Великобританіи лучшій примѣръ этому. Къ подобному накопленію національнаго богатства слово прогрессъ неприложимо.

Считая понятіе прогресса телеологическимъ, мы не можемъ согласиться съ Спенсеромъ, отожествляющимъ его съ «Закономъ развитія». Не можемъ согласиться, во-первыхъ, потому, что слово прогрессъ, какъ заключающее въ себѣ телеологическую идею, примѣнимо только къ явленіямъ человѣческой жизни; во-вторыхъ, поступательный ходъ развитія обществъ можетъ совершаться на счетъ благосостоянія большинства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что «законъ развитія человѣчества», какъ его понимаетъ Спенсеръ, вполнѣ опровергается *смысломъ новой эпохи* человѣческихъ судебъ, рѣшительно выступившей съ конца прошедшаго столѣтія. Духовная, политическая и экономическая эмансипація, всестороннее развитіе индивидуума, составляютъ принципіальный смыслъ новой эпохи.

имѣли мѣсто и во Франціи, но достигли здѣсь своей зрѣлости позднѣе, а потому и идеи свободной торговли и промышленности являются во Франціи лишь спустя 60 лѣтъ послѣ появленія ихъ въ Англіи

Идея объ устраненіи вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и о водвореніи свободы торговли и промышленности была провозглашена во Франціи одновременно нѣсколькими мыслителями, составлявшими тѣсно сплоченный кружокъ, центромъ котораго былъ Кенэ, докторъ Людовика XV. Этотъ кружокъ раздѣлялъ доктрины господствовавшей тогда во Франціи раціоналистической философіи. По ученію раціоналистической философіи, для соціальной жизни данъ «*неизмѣнною*» природою человѣка и ея отношеніями къ внѣшнему міру такой же «*естественный*» порядокъ вещей, *стоящій внѣ условій времени и пространства*, какой существуетъ для физической природы. И только такія мѣры правительства, которыя сообразуются съ этимъ порядкомъ, достигаютъ предположенной цѣли и приносятъ благо. Изъ такого взгляда на природу соціальныхъ отношеній самъ собою вытекалъ взглядъ и на задачу общественной науки Задача науки состоитъ въ разъясненіи «*абсолютнаго*» порядка, установленнаго природою для человѣческихъ обществъ. Эта школа изслѣдователей естественнаго, абсолютнаго порядка вещей, названная поэтому *физіократическою*, первая дала наукѣ объ общественной жизни названіе политической экономіи. По воззрѣніямъ физіократовъ, возстановленіе господства *естественнаго*, *идеальнаго порядка вещей* въ народномъ хозяйствѣ требовало неограниченной свободы частнаго интереса, такъ какъ человѣкъ, руководимый своею личною выгодою, будетъ дѣйствовать въ то же время и для блага общества. Одинъ изъ представителей этой школы, Гурнэ, обращаясь къ королевскимъ министрамъ, говорилъ: «наилучшее,

что вы можете сдѣлать для поднятія народнаго хозяйства, это предоставить людямъ полную свободу въ ихъ экономическихъ отношеніяхъ (laissez faire, laissez passer).» Разсказываютъ, что Кенэ на вопросъ дофина: — что онъ сталъ бы дѣлать, если бы былъ королемъ? отвѣчалъ: — «Ничего». Такой взглядъ на задачу государства, на отношеніе его къ народной жизни объясняется, съ одной стороны, реакціею противъ дѣйствительно существовавшей въ то время стѣснительной и вредной регламентаціи народной жизни; но, съ другой стороны, это ученіе было результатомъ новыхъ теченій жизни, получившихъ въ то время громадное значеніе въ дѣйствительности; это ученіе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало интересамъ крупной промышленности, капиталу, обогатившейся буржуазіи.

Такъ какъ изъ ученія физіократовъ объ экономической свободѣ логически вытекало требованіе уничтоженія всѣхъ экономическихъ привиллегій и, между прочимъ, уничтоженія цеховъ и остатковъ феодальныхъ отношеній въ поземельной собственности, то это ученіе получило политическій характеръ. Въ то же время политическія теоріи французскихъ писателей, выставившія на своемъ знамени политическую свободу и равенство правъ гражданъ (слѣдовательно, уничтоженіе привиллегій), тѣмъ самымъ затрогивали экономическій порядокъ вещей. Такимъ образомъ, экономическія и политическія реформаторскія идея взаимно переплетались *). Эко-

*) Причину отсутствія прямыхъ политическихъ тенденцій у англійскихъ экономистовъ новой школы XVIII столѣтія слѣдуетъ видѣть, по нашему мнѣнію, въ томъ, что Англія уже давно пользовалась широкою политическою свободою, а среднее сословіе правомъ представительства. Во Франціи XVIII вѣка среднее сословіе богатствомъ и образованіемъ опередило привилегированные классы: — дворянство и духовенство; между тѣмъ, юридически, по закону, оно пользова-

номическій и политическій порядокъ сдѣлались предметомъ возбужденной литературной борьбы. Самымъ могучимъ представителемъ раціоналистическихъ политическихъ идей этой эпохи былъ Руссо. «Нѣтъ имени, говоритъ профессоръ Блунчли, которое въ то время сіяло-бы болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ имя женевскаго гражданина—Жанъ-Жака Руссо, и нѣтъ сочиненій, которыя въ большей мѣрѣ были-бы почитаемы тогда *новымъ евангеліемъ*, чѣмъ сочиненія Руссо.... Кто знаетъ сочиненія Руссо, тотъ имѣетъ ключъ къ *государственной теоріи французской революціи*». Огненною рѣчью громилъ Руссо обветшалые принципы средневѣковой эпохи и провозглашалъ новыя формы государственной жизни. Сочиненія его представляли страстный памфлетъ противъ существовавшаго общественнаго порядка, вдохновлявшій сердца и воспламенявшій умы. Въ основѣ всѣхъ воззрѣній и требованій Руссо лежитъ стремленіе осуществить верховную власть народа, свободу и равенство гражданъ. «Искусственное, нравственное неравенство, говоритъ Руссо, установленное лишь положительнымъ правомъ, *противно естественному праву* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не находится въ должномъ соотношеніи съ *физическимъ*, то-есть, *естественнымъ* неравенствомъ,—отличіе достаточно опредѣляющее, что̀ должно думать о господствующемъ повсюду у цивилизованныхъ народовъ неравенствѣ; ибо, очевидно, это идетъ въ разрѣзъ съ природою, какъ бы ее ни объясняли, чтобы дитя давало приказы старцу, чтобы глупецъ властвовалъ надъ мудрецомъ, и чтобы кучка людей утопала въ избыткѣ, между тѣмъ какъ голодная толпа нуждается въ необходимомъ».

лось самыми ничтожными политическими правами. Эту мысль и высказалъ за годъ передъ французскою революціею Сіейсъ въ своей знаменитой пророческой формулѣ:—«Что такое третье сословіе? Все.—Чѣмъ оно было до сихъ поръ?—Ничѣмъ.—Чего требуетъ оно?—Быть чѣмъ нибудь».

Лассаль мѣтко замѣчаетъ, что французская революція перенесла на бумагу то, что̀ совершилось въ дѣйствительности.

Третье сословіе, уже во время царствованія Людовика XIV, достигло такого значенія, что исторіографъ этого сословія, Огюстенъ-Тьери, считаетъ замѣчательнѣйшимъ дѣломъ этой эпохи сближеніе и смѣшеніе сословій. Замкнутость дворянства рушилась; оно стало служить при дворѣ и въ войскѣ, хотя въ обоихъ случаяхъ почести и заслуги основаны были не на рожденіи, а на личныхъ достоинствахъ. Маршалы, изъ какого бы они ни были сословія, стояли выше герцоговъ; министры, вышедшіе изъ третьяго сословія, признавали выше себя только принцевъ крови; жены ихъ приглашались къ королевскому столу. Производство въ арміи основано было не на происхожденіи, а на очереди: по старшинству, либо за дѣйствительное отличіе по службѣ. Лица средняго класса, благодаря своему образованію и способностямъ, занимали высшія правительственныя мѣста и оказывали вліяніе на ходъ дѣлъ. Saint-Simon въ своихъ мемуарахъ называетъ царствованіе Людовика XIV *царствованіемъ подлой буржуазіи*, — слова, имѣющія глубокій смыслъ и доказывающія переворотъ, случившійся со времени Ришелье и Фронды.

По мѣрѣ того какъ низводилось дворянство, возвышалось вліяніе среднихъ классовъ. Отъ нихъ исходило матеріальное и умственное развитіе. Вмѣстѣ съ возрастающимъ ихъ вліяніемъ росло и довѣріе къ нимъ. Явленіе это поразило моралиста того времени, Лабрюэра, который постоянно повторялъ, что между тѣмъ какъ работа кипитъ въ рукахъ дѣятельныхъ низшихъ сословій, высшее дворянство погружается все болѣе въ лѣнивую дремоту. Почти всѣ министры той эпохи, многія знаменитости на военномъ поприщѣ, а на ученомъ и литературномъ рѣшительно всѣ, за исключеніемъ трехъ, вышли изъ буржуазіи:—Корнель, Паскаль, Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ, Буало, Боссюетъ, Бардалу, Флешье, Массильонъ, Лабрюэръ, Арно, Николь, Дома; артисты: Пуссенъ, Лезюеръ, Лорренъ, Шампань, Лебренъ, Пюже. Три имени составляютъ исключеніе: Фенелонъ, Ларошфуко и М-me де-Севинье.

Ученія физіократовъ и Руссо стали дѣломъ во французскую революцію *). Революціонное законодательство вѣрило, что осуществитъ идеи свободы, равенства и общаго матеріальнаго благосостоянія путемъ отмѣны юридическихъ привиллегій и установленіемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, учрежденіемъ республиканской формы правленія, покоющейся на принципѣ верховныхъ правъ народа, установленіемъ возможно широкой политической свободы, объявленіемъ свободы труда, торговли, собственности. Благороднѣйшія стремленія и вѣрованія эти не осуществились, и въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ причины этой неудачи.

*) Въ № 8 Критическаго Обозрѣнія, г. Евгеній де-Роберти указываетъ на интересный историко-философскій этюдъ Dubost въ Revue de la philosophie positive t. XIX, озаглавленный: «Дантонъ и современная политика». — «Авторъ, говоритъ г-нъ де-Роберти, задается цѣлью всесторонне освѣтить, если не личность Дантона, о которомъ, какъ и о всѣхъ крупныхъ дѣятеляхъ великой революціи, написаны сотни томовъ, то, по крайней мѣрѣ, его политику, его стремленія, его общественные идеалы. Дантона авторъ признаетъ родоначальникомъ и самымъ виднымъ представителемъ современной политической школы, нашедшей себѣ выраженіе, между прочимъ, въ такъ называемомъ опортюнизмѣ. Такимъ образомъ, устанавливается какъ бы прямая филіація въ руководящихъ идеяхъ, замыслахъ и способахъ выполненія ихъ между знаменитымъ трибуномъ первой республики и вождемъ нынѣшнимъ французскихъ республиканцевъ. Дантонъ уже замышлялъ то, что суждено было осуществить, восемьдесятъ лѣтъ спустя, Гамбеттѣ и его единомышленникамъ... Въ эпоху первой революціи, три философскія школы могли прямо вліять на общество и политику: школа Вольтера, школа Руссо и школа Дидро или энциклопедистовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; и каждое изъ этихъ направленій, дѣйствительно, наложило неизгладимую печать на событія того времени. Но вліяніе ихъ было весьма неравное; идеи Руссо преобладали, идеи Вольтера имѣли многочисленныхъ сторонниковъ (жирондисты и ихъ преемники); а мнѣнія

Теоріи французскихъ философовъ XVIII вѣка, касавшіяся важнѣйшихъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ работаетъ человѣческій умъ, оказали громадное вліяніе на движеніе мысли во всемъ образованномъ европейскомъ обществѣ. Профессоръ Глазовскаго университета, Адамъ Смитъ, страстно желалъ лично познакомиться съ кружкомъ физіократовъ, и это желаніе ему удалось осуществить во вторую свою поѣздку въ Францію въ 1765 г. Ниже мы увидимъ, какое сильное вліяніе оказало на міросозерцаніе Адама Смита его тринадцати-мѣсячное пребываніе въ кружкѣ Гельвеціуса, Кенэ и Тюрго. По возвращеніи на родину, Адамъ Смитъ

и взгляды Дидро находили только слабый отголосокъ (группа дантонистовъ). Дюбо объясняетъ это явленіе тѣмъ, что масса умовъ, воспитанныхъ на теологическихъ и метафизическихъ доктринахъ, должна была, очевидно, примкнуть къ направленіямъ, которыя были наиболѣе близки, по своему духу и пріемамъ, къ этимъ доктринамъ. Направленія эти открыто проповѣдовали возможность мгновеннаго возрожденія общества, и масса послушно шла за магами и чудодѣями, обѣщавшими ей такія превращенія. Отличительною чертою школы Дидро и ея представителей въ политикѣ, группы дантонистовъ, было то, что они никогда не раздѣляли этихъ иллюзій и дѣлали все, что могли, чтобы разсѣять ихъ, отрезвить умы, пріучить общество къ пониманію истинныхъ условій роста и развитія соціальныхъ организмовъ. Школа Дидро не выставляла въ политикѣ никакой общей непогрѣшимой доктрины; она защищала права эмпиризма, повседневнаго опыта, она совѣтовала неустанно трудиться и пользоваться уроками событій. Дантонъ, по мнѣнію Дюбо, былъ проникнутъ именно такимъ взглядомъ, и его политика оказала революціи величайшія услуги; лучшія мѣры того времени были приняты по его почину; задачи революціи — уничтоженіе королевской власти и защита территоріи—были разрѣшены чисто эмпирическимъ путемъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ обстоятельствъ, т. е. вполнѣ согласно съ принципами, руководившими политикой Дантона. Но торжество политики эмпиризма было, какъ извѣстно, недолгое;

поселился въ Киркальди и въ сельскомъ уединеніи неутомимо работалъ, въ теченіе 10 лѣтъ, надъ «Богатствомъ Народовъ». Весьма знаменательный фактъ, могущій случаться только съ творцами апріористическихъ теорій, что на Адама Смита временами находило сомнѣніе въ истинности его научныхъ убѣжденій, и отсюда—апатія къ своему труду. Въ это тяжелое время Юмъ поддерживалъ и ободрялъ своего друга. «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ» вышло въ 1766 году, и въ первое время далеко не произвело того впечатлѣнія, какъ предыдущее сочиненіе Смита—«Теорія нравственныхъ чувствъ»; только спустя нѣ-

---

абсолютныя доктрины господствовали надъ умами, и потребовалось цѣлыхъ три четверти столѣтія, чтобы воочію доказать полнѣйшую несостоятельность этого направленія. Исторія республиканской партіи во Франціи, съ самаго паденія первой республики и до нашихъ дней, прямо свидѣтельствуетъ о господствѣ въ этотъ долгій періодъ времени метафизическаго умственнаго строя — la mentalité métaphisique; республиканцы слѣдовали традиціямъ жирондистовъ, робеспьеристовъ, гебертистовъ; но никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ даже, что у Дантона и его группы была какая-либо своя, отличная отъ другихъ, политика, и, въ особенности, что эта политика была слѣдствіемъ философіи, діаметрально противоположной господствовавшимъ въ эпоху первой революціи философскимъ понятіямъ. Дантоновская политика была затерта великимъ революціоннымъ теченіемъ, приведшимъ Францію къ 18 Брюмера; но то же случилось, въ мірѣ философіи, и съ школою Дидро, которая вскорѣ перестала быть извѣстной иначе, какъ только съ литературной и художественной сторонъ своихъ. Энциклопедическая школа, прямо объявлявшая себя безсильною разрѣшить задачу соціальнаго возрожденія, не могла представлять никакого интереса для умовъ, насквозь пропитанныхъ теолого - метафизическими стремленіями. Но за то школа эта, основанная исключительно на положительномъ знаніи, незамѣтно обогащалась всѣми успѣхами этого знанія; она одна между всѣми философскими направленіями XVIII вѣка сохранила способность къ

сколько лѣтъ этотъ трудъ сталъ экономическимъ евангеліемъ для всей Европы.

Для нашей цѣли нѣтъ надобности излагать содержаніе «Богатства народовъ», а достаточно указать исходныя точки зрѣнія, послужившія основою этого сочиненія.

§ 3. Ученія Руссо и физіократовъ о существованіи «*естественныхъ законовъ*» человѣческаго общества, покоющихся на природѣ человѣка и ея неизмѣнныхъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру, законовъ, одинаково приложимыхъ ко всякому народу и времени, слѣдовательно *абсолютныхъ*, но искажаемыхъ ложно направляемыми правительственными учрежденіями, получили значеніе краеугольнаго камня въ экономической теоріи Смита *). Чтобы осуществить этотъ

дальнѣйшему росту и развитію. Школы Вольтера и Руссо, не смотря на возбужденную ихъ политическими представителями шумиху фразъ и трескотню событій, остались такими же, какими они были при самомъ возникновеніи своемъ. Напротивъ того, казавшаяся забытою всѣми школа Дидро въ тотъ же промежутокъ времени испытала полное перерожденіе или обновленіе. Вначалѣ горизонтъ энциклопедической доктрины былъ также ограниченъ, какъ горизонтъ науки. Съ перваго дня своего существованія она согласилась оставаться незначительною, отрывочною. Она не стремилась ни къ невидимому, ни къ недосутпному. Она отталкивала отъ себя абсолютное и утверждала относительное. Школа эта не менѣе другихъ чувствовала и понимала необходимость общей доктрины или синтеза. Но она терпѣливо ждала того времени, когда наука могла доставить ей всѣ нужные для такого обобщенія элементы. Вотъ почему она оказалась способною прогрессировать и, дѣйствительно, ушла впередъ. Обновленіе это принесла философія положительнаго знанія, которая, какъ общій синтезъ, обнимающій все познаваемое путемъ объективнымъ, стала возможна лишь послѣ включенія въ научную систему сумму двухъ наиболѣе близко касающихся человѣка и наиболѣе интересныхъ для него слагаемыхъ—науку о жизни—біологію, и науку объ обществѣ—соціологію.

*) Изъ очерка, оставшагося отъ предположенной Смитомъ, но не

наилучшій, *естественный* общественный порядокъ, надо только предоставить полную свободу проявленіямъ человѣческой природы, которая предполагалась у всѣхъ людей *одинаковою* и *неизмѣнною*. Природа человѣка противопоставлялась искусственнотти всего общественнаго быта, какъ самородный, неизсякаемый источникъ разума и всякаго блага. «*Все прекрасно*, говорилъ Ж. Ж. Руссо, *что исходитъ изъ рукъ Творца, все искажается въ рукахъ человѣка*». Кондорсе училъ, что если бы человѣкъ повиновался законамъ природы, то нельзя было бы положить границъ развитію его благоденствія. Отсюда сами собою вытекли теоріи прирожденныхъ правъ, общественнаго договора, суверенитета народа, устраненія всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и водворенія неограниченной свободы борьбы личныхъ интересовъ. За государствомъ оставлялась только одна охранительная функція:—защита внутренней и внѣшней безопасности и выполненіе правосудія.

Идея о возможно большемъ ограниченіи дѣятельности государства была логическимъ слѣдствіемъ борьбы XVIII вѣка противъ произвола абсолютизма и привилегій феодальнаго порядка. Но нигдѣ эта борьба не проявлялась съ такою страстностью, нигдѣ она не была доведена до такихъ крайностей, какъ во Франціи. Фактъ этотъ, очевидно, объясняется положеніемъ дѣлъ въ этой странѣ. Ни въ одной

приведенной въ исполненіе «Исторіи юриспруденціи», видимъ его намѣреніе изложить теорію *естественной* юриспруденціи. Каждая система положительнаго закона, говоритъ Смитъ въ этомъ очеркѣ, можетъ быть расматриваема какъ болѣе или менѣе несовершенная попытка приближенія къ системѣ *естественной* юриспруденціи, и главная цѣль юридическаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы узнать *естественныя* правила правосудія, независимыя отъ всѣхъ положительныхъ установленій.

странѣ произволъ, привилегіи и монополіи не были такъ нестерпимы, какъ во Франціи. Французское правительство XVIII вѣка управляло страною несравненно хуже правительствъ другихъ народовъ. Никогда и нигдѣ авторитетъ правительства не подвергался такому злословію, пасквилямъ, какъ во время правленія Людовиковъ XV и XVI. Никогда привилегированныя классы не пользовались болѣе гнуснымъ образомъ своими привилегіями, нигдѣ раззореніе народа не было доведено до такой ужасной степени, какъ въ тогдашней Франціи. Чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ правительства, привилегій обветшалаго законодательства, тѣмъ съ большею страстностью проповѣдывались идеи свободы, равенства и невмѣшательства государства.

Признавая наилучшимъ общественнымъ порядкомъ «естественный строй вещей», Ад. Смитъ, согласно съ физіократами, считалъ важнѣйшею задачею общественной науки — раскрытіе этого естественнаго порядка какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Цѣлью труда Смита было не объясненіе прошедшаго, настоящаго и вытекающихъ изъ настоящаго указаній ближайшаго будущаго экономическаго строя,—въ прошедшихъ и настоящихъ народно-хозяйственныхъ организаціяхъ онъ видѣлъ лишь нелѣпую регламентацію, порожденную, съ одной стороны, невѣжествомъ, непониманіемъ истинныхъ причинъ наростанія національнаго богатства и благосостоянія, съ другой, стремленіемъ господствующихъ классовъ къ эксплоатаціи; — цѣлью его труда было построеніе теоріи наилучшаго, абсолютнаго экономическаго порядка,—порядка, долженствующаго еще быть осуществленнымъ. И если теорія Смита, въ скоромъ времени, дѣйствительно въ значительной степени осуществилась, особенно въ Англіи и Франціи, то потому, что она соотвѣтствовала духу времени, интересамъ промышленнаго и тор-

говаго классовъ, получившихъ къ концу XVIII вѣка господствующее вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Первое требованіе естественнаго порядка вещей въ народномъ хозяйствѣ, по ученію Смита, состоитъ въ невмѣшательствѣ государства въ экономическую дѣятельность и въ предоставленіи ея волѣ индивидумовъ. Съ устраненіемъ вмѣшательства государства, народное хозяйство цѣликомъ переходитъ въ руки частныхъ хозяйствъ, почему теорія Смита занимается исключительно изслѣдованіемъ: — *какую организацію приметъ народное хозяйство, предоставленное свободной дѣятельности частныхъ хозяйствъ.* Очевидно, первый вопросъ въ этомъ изслѣдованіи:—чѣмъ руководится человѣкъ, будучи совершенно свободенъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ? Хозяйственныя дѣйствія человѣка находятся подъ вліяніемъ многихъ мотивовъ. Но Смитъ счелъ возможнымъ выдѣлить изъ нихъ господствующій, именно тремленіе человѣка извлечь изъ своей хозяйственной дѣятельности возможно бо́льшую сумму средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Въ мѣновомъ хозяйствѣ,—а современное хозяйство есть почти всецѣло мѣновое,—стремленіе извлечь возможно бо́льшую выгоду проявляется въ томъ, что всѣ желаютъ продать какъ можно дороже и купить какъ можно дешевле. Въ своемъ сочиненіи Смитъ исключительно имѣетъ въ виду это эгоистическое стремленіе человѣческой природы и выводитъ изъ него всѣ хозяйственныя явленія *). Далѣе, господство эгоизма въ частно-

*) Профессоръ Брентано усматриваетъ въ этомъ пріемѣ изслѣдованія Смитомъ хозяйственныхъ явленій вліяніе на него воззрѣній Гельвеція, высказанныхъ послѣднимъ въ книгѣ «De l'esprit». Извѣстно, говоритъ Брентано, что Ад. Смитъ издалъ въ свѣтъ въ 1759 г. «Теорію нравственныхъ чувствъ», гдѣ, между прочимъ, говорится:— «То объясненіе человѣческой природы, которое выводитъ всѣ чув-

хозяйственной сферѣ Смитъ разсматриваетъ не только какъ фактъ, но и какъ единственную силу, могущую, при условіи полной свободы, осуществить наилучшій экономическій порядокъ. «Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала; правда, онъ имѣетъ въ виду свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу, но забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества... Преслѣдуя свою собственную выгоду, человѣкъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если бы задался такою

ства и склонности изъ себялюбія, надѣлавшее столь много шума, и которое, однако, по моему убѣжденію, еще никогда не было обстоятельно изслѣдовано, кажется мнѣ происходящимъ изъ неяснаго пониманія системы симпатіи». — Въ изслѣдованіи же о «Богатствѣ народовъ», Смитъ раздѣляетъ вполнѣ взгляды книги Гельвеція о природѣ человѣка и объ эгоизмѣ, какъ единственной побудительной причинѣ человѣческихъ поступковъ. Слѣдствія, вытекающія изъ этой догмы, проходятъ почти чрезъ всѣ части сочиненія. До такой степени представлялся ему эгоизмъ, какъ единственно возможное побужденіе человѣческихъ поступковъ, что онъ, по поводу извѣстнаго постановленія квакеровъ въ Пенсильваніи, даровавшаго свободу рабамъ и вытекшаго изъ религіозныхъ мотивовъ, пишетъ слѣдующее: — «это постановленіе можетъ насъ убѣдить, что число рабовъ не могло быть очень велико; обработывай рабы значительную часть ихъ собственности, подобное рѣшеніе никогда не могло бы быть принято». (Das Arbeitsverhältniss. v. Brentano. 1877).

Приведенный Брентано примѣръ объясненія Смитомъ рѣшенія квакеровъ дѣйствительно разительный; но едва-ли ему можно приписать значеніе рѣшающаго доказательства, что Смитъ, подъ вліяніемъ воззрѣній Гельвеція, отказался отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ «Theory of Moral Sentiments». Дѣло въ томъ, что наблюденія дѣйствительности не могли не привести Смита къ выводу, что люди

цѣлью». *Такимъ образомъ, значеніе эгоизма возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ, и частные, индивидуальные интересы отождествляются съ интересами общества.* Сквозь все сочиненіе Смита проходитъ мысль, что, при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конкуренціей, сами собою разовьются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся

въ своихъ частно-хозяйственныхъ дѣлахъ руководятся почти исключительно личнымъ интересомъ; а такъ какъ его теорія ограничивается изслѣдованіемъ системы частныхъ хозяйствъ, то онъ, не дѣлая большой ошибки и въ то же время значительно упрощая изслѣдованіе, могъ принять эгоизмъ за единственный двигатель поступковъ въ частно-хозяйственной сферѣ. Примѣненіе Смитомъ психологической дедукціи къ изслѣдованію частно-хозяйственныхъ явленій было не только вполнѣ возможно, но и плодотворно. Главная масса открытій, которыми онъ обогатилъ науку, составляетъ результатъ примѣненія дедуктивнаго метода. Смитъ уединялъ изслѣдуемое явленіе отъ разныхъ, болѣе чѣмъ второстепенныхъ явленій и разсматривалъ, какъ сложится это явленіе подъ вліяніемъ господствующей причины. Результатъ, полученный такимъ образомъ, будетъ имѣть въ общемъ характерѣ большое сходство съ дѣйствительностью. Примѣненная Смитомъ дедукція близко подходитъ къ статистическому методу среднихъ чиселъ. Дедуктивный методъ, не приложимый къ объясненію народнаго хозяйства въ его цѣломъ, — что̀ составляетъ предметъ изслѣдованій новѣйшей школы политической экономіи,—вполнѣ примѣнимъ къ изслѣдованію системы частныхъ хозяйствъ. Намъ кажется, что имено это обстоятельство упускалось и упускается изъ вида экономистами, дѣлающими Ад. Смиту упрекъ за примѣненіе имъ дедуктивнаго метода.

Другое дѣло—оптимистическій взглядъ Смита на характеръ хозяйственныхъ явленій, руководимыхъ эгоизмомъ при системѣ свободной конкурренціи! По недостатку статистическаго матеріала, Смитъ не могъ употребить «обратно—дедуктивнаго метода» и увидѣть ошибочность своего оптимизма.

въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣнъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатства; каждый факторъ производства получитъ при распредѣленіи его результатовъ такую долю, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ степени его участія въ производствѣ.

Эта вѣра въ благіе результаты эгоизма представляетъ собою частный выводъ изъ присущаго французской литературѣ XVIII вѣка преклоненія передъ человѣческою природою, которая, предполагалось, освобожденная отъ внѣшнихъ преградъ для своего проявленія, ведетъ какъ отдѣльное лицо, такъ и цѣлое общество къ желаемому благосостоянію. Но помимо вліянія на А. Смита воззрѣній Руссо и физіократовъ, существуетъ еще другой, чисто личный, факторъ, который доставилъ пищу абстрактнымъ построеніямъ Смита о благодѣтельномъ, справедливомъ и естественномъ экономическомъ порядкѣ, который долженъ водвориться на землѣ, благодаря свободному дѣйствію индивидуальныхъ интересовъ. Этотъ факторъ заключается въ теологическихъ воззрѣніяхъ Смита. Законы природы, которые управляютъ человѣческимъ общежитіемъ, являются у него выраженіемъ воли Провидѣнія, которое премудро направляетъ людей къ наивозможно большему на землѣ счастію. Эти законы дѣлаются для Смита предметомъ вѣры, и начала человѣческой природы, предоставленныя ихъ естественнымъ влеченіямъ, могутъ привести только къ самому благодѣтельному развитію всѣхъ способностей человѣка. При такой постановкѣ вопроса становится излишней человѣческая забота о наилучшемъ назначеніи матеріальныхъ цѣнностей и ихъ распредѣленіи: человѣческое законодательство безполезно тамъ, гдѣ прямо про-

является воля Провидѣнія, ведущая людей къ наилучшему обезпеченію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Мы видѣли уже образецъ этой стороны воззрѣній А. Смита: — «Человѣкъ, по его словамъ, дѣйствуя исключительно для своего интереса, нисколько не заботясь объ общественномъ благѣ, а только о своей наибольшей выгодѣ, въ дѣйствительности, однако, служитъ ближайшимъ пользамъ всего общества; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ ведется *невидимой рукой* къ цѣли, которая вовсе не была въ предѣлахъ его намѣренія». Одинаковая мысль повторяется Смитомъ и въ его «теоріи нравственныхъ чувствъ», которая составляетъ необходимое дополненіе къ «изслѣдованію богатства народовъ». «Продукты почвы, говоритъ онъ здѣсь, во всякое время содержатъ то количество жителей, которое они способны содержать. Богатые выбираютъ только изъ массы продуктовъ то, что есть самаго драгоцѣннаго и пріятнаго. Они употребляютъ немного болѣе, нежели бѣдные, не смотря на естественное себялюбіе и жадность; хотя они думаютъ притомъ только о собственныхъ удобствахъ, хотя ихъ единственная цѣль, для которой они пользуются трудами всѣхъ тысячъ людей, употребляемыхъ ими въ работу, чтобы удовлетворять свои тщеславныя и ненасытныя желанія,— не смотря на все это, однимъ словомъ, они раздѣляютъ съ бѣдными продукты всѣхъ своихъ успѣховъ. Они ведутся *невидимой рукой* къ тому, чтобы произвести почти то же распредѣленіе необходимостей жизни, которое могло бы быть сдѣлано, если бы вся земля была раздѣлена на равныя доли между всѣми жителями, и, такимъ образомъ, безъ намѣренія и безъ сознанія, они двигаютъ впередъ интересы общества и доставляютъ средства къ размноженію человѣчества. Когда Провидѣніе раздѣлило всю землю между немногими владѣльцами, оно не забыло и не покинуло тѣхъ, которые, повидимому, остались внѣ этого раздѣла». Такимъ путемъ, подъ вліяніемъ естественнаго права и теологическихъ представленій, сложилось у Смита убѣжденіе въ томъ, что, по естественному закону, индивидуальные интересы гармонируютъ съ общественными.

Вышеизложенное показываетъ, что основныя положенія теоріи Ад. Смита состоятъ: — *1) въ признаніи естественнаго, абсолютнаго экономическаго порядка, 2) въ устраненіи активной дѣятельности государства, и отсюда — ограниченіе народнаго хозяйства системою частныхъ хозяйствъ, 3) въ возвеличеніи эгоизма до значенія основнаго принципа народнаго хозяйства, и отсюда—отождествленіе индивидуальныхъ интересовъ съ общественными и почти исключительное пользованіе при изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій дедуктивнымъ методомъ.*

Сочиненіе Ад. Смита, систематизировавшее передовыя экономическія идеи и притомъ изложившее ихъ съ замѣчательной ясностью и убѣдительной аргументаціей, оказало сильное вліяніе на законодательство и, такимъ образомъ, ускорило «*либеральный*» ходъ развитія экономическихъ фактовъ. Теорія Смита сдѣлалась вскорѣ почти аксіомой для государственныхъ людей, и если не проводилась ими немедленно въ жизнь во всей ея полнотѣ и послѣдовательности, то только потому, что находили нужнымъ считаться съ предразсудками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, открытія Харгревса, Аркрайта и Уатта, примѣняясь болѣе и болѣе къ дѣлу, ускоряли переворотъ въ промышленности Эти техническія изобрѣтенія примѣнялись въ городахъ, стоявшихъ внѣ цеховыхъ законовъ, кодифицированныхъ королевою Елизаветою въ 1562 году и носившихъ названіе «Законы объ ученичествѣ». Въ силу юридической интерпретаціи, признававшей подчиненными закону Елизаветы лишь тѣ города и мѣстечки, кото-